

ОТ АВТОРА

Я никогда не виделся с Шиван Доуд. Я знаком с нею только по ее превосходным книгам, так можете познакомиться с ней и вы. Она написала четыре молодежных увлекательных романа, два из которых опубликовали при ее жизни, остальные — после смерти, наступившей слишком рано. Если вы их еще не читали, скорее восполните этот пробел.

Эта книга стала бы пятой. Уже были и персонажи, и посыл, и завязка. Чего не было, так это, к сожалению, времени.

Когда мне предложили написать роман по ее задумке, я засомневался. Я не хотел, да и не мог, подражать ее стилю. Я оказал бы медвежью услугу и ей, и читателям, и, главное, самой истории. Невозможно создать хорошую книгу таким способом.

Но светлые мысли имеют свойство порождать другие идеи. Я и оглянуться не успел, как задумка Шиван подтолкнула меня к новым замыслам, и у меня зачесались руки от желания записать их, рассказать историю — любой творец мечтает об этой минуте вдохновения.

У меня возникло стойкое ощущение, будто бы я бегун, которому замечательная писательница передала, как эстафетную палочку, свою историю и сказала: «Держи, донеси ее до всех. Твори!» И я постарался выполнить ее просьбу. Я поставил перед собой задачу написать книгу, которая, по моему мнению, понравилась бы Шиван. Все остальное было не так важно.

Пришло время передать эстафетную палочку тебе, читатель. На писателях марафон не кончается, и неважно, сколько их участвовало в забеге. Мы с Шиван создали эту историю. Держи. Передай другим.

Твори.

*Патрик Несс,
Лондон, октябрь 2010*

Посвящается Шиван

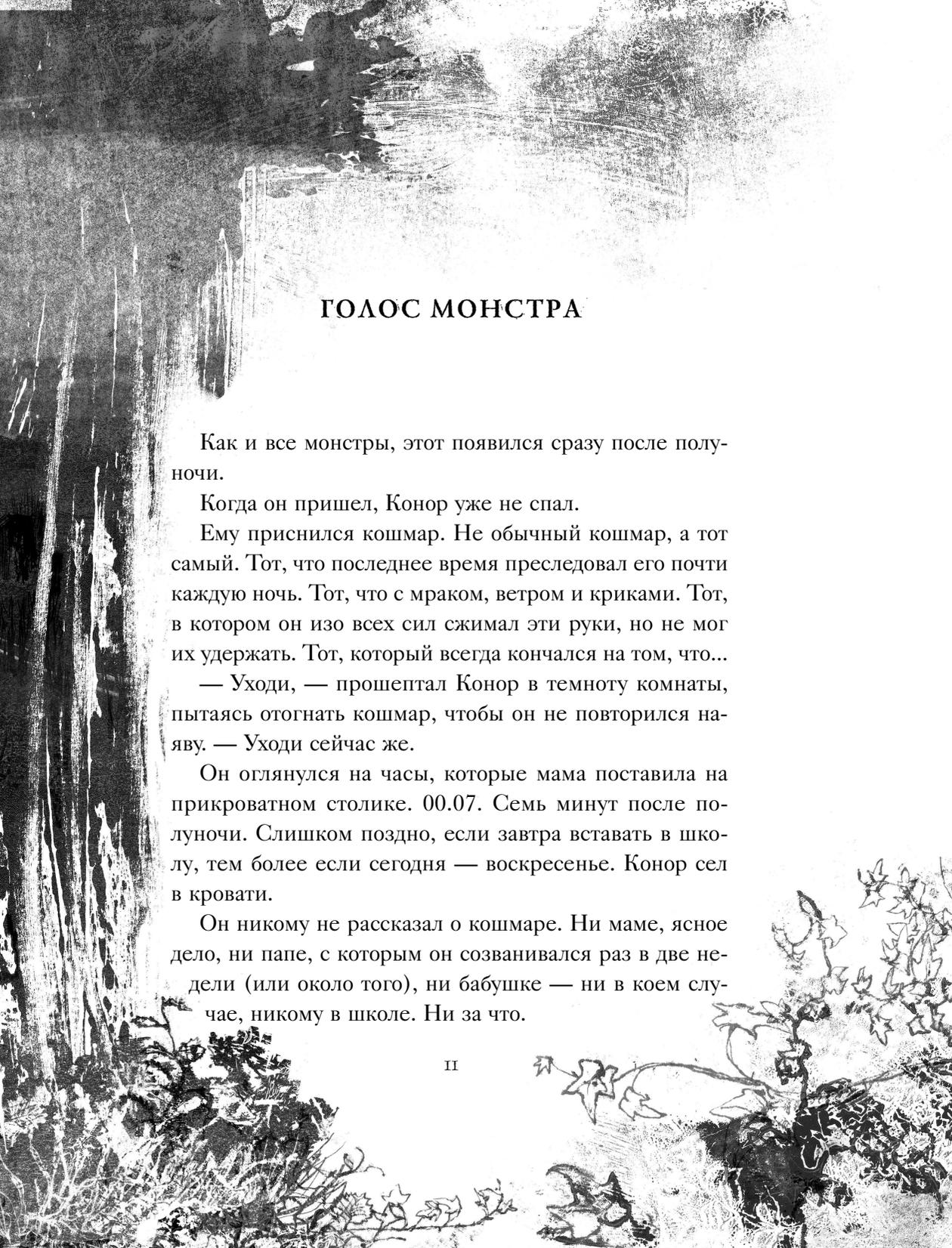

Молодость всего одна, но разве она не длится
дольше, чем мы думаем?

Намного дольше, чем мы можем выдержать.

Хилари Мэнтел
«Любовный эксперимент»

ГОЛОС МОНСТРА

Как и все монстры, этот появился сразу после полуночи.

Когда он пришел, Конор уже не спал.

Ему приснился кошмар. Не обычный кошмар, а тот самый. Тот, что последнее время преследовал его почти каждую ночь. Тот, что с мраком, ветром и криками. Тот, в котором он изо всех сил сжимал эти руки, но не мог их удержать. Тот, который всегда кончался на том, что...

— Уходи, — прошептал Конор в темноту комнаты, пытаясь отогнать кошмар, чтобы он не повторился наяву. — Уходи сейчас же.

Он оглянулся на часы, которые мама поставила на прикроватном столике. 00.07. Семь минут после полуночи. Слишком поздно, если завтра вставать в школу, тем более если сегодня — воскресенье. Конор сел в кровати.

Он никому не рассказал о кошмаре. Ни маме, ясное дело, ни папе, с которым он созванивался раз в две недели (или около того), ни бабушке — ни в коем случае, никому в школе. Ни за что.

То, что происходит в кошмаре, никому знать не надо.

Конор окинул сонным взглядом комнату и нахмурился. Он что-то упустил. Он огляделся, все еще отходя ото сна. Кошмар ускользал от него, но оставалось еще что-то, что он не мог уловить, что-то иное, что-то...

Конор прислушался, но тишину спокойного дома нарушали только поскрипывание с пустого первого этажа и шуршание маминой постели из соседней комнаты.

Больше ничего.

И вдруг он услышал. Услышал то, что, по всей видимости, его разбудило.

Кто-то звал его по имени:

— *Конор.*

На мгновение его охватил испуг, внутри все сжалось. Он пришел за ним? Каким-то образом вырвался из кошмара и...

— Не глупи, — сказал он себе. — Ты для этого слишком взрослый.

И правда. В прошлом месяце ему исполнилось тринадцать. Монстров боится ребенок. Монстров боится тот, кто писается в кровать. Монстров боится...

— *Конор.*

Вот опять. Конор сглотнул. На дворе стоял непривычно теплый октябрь, и

окно комнаты было еще открыто. Может, шелест занавесок на легком ветру звучит как...

— *Конор.*

Ясно, это не ветер. Это именно голос, но он незнакомый. И точно не мамин. Он даже не женский. У Конора мелькнула безумная мысль — может, это папа неожиданно вернулся из Америки, но приехал слишком поздно, не стал звонить и...

— *Конор.*

Нет. Не папа. В этом голосе было что-то особенное, что-то чудовищное, дикое и необузданное.

Снаружи донесся тяжелый скрип, как будто по деревянному полу ступало нечто огромное.

Ему не хотелось встать и смотреть, что там такое. И в то же время хотелось — больше всего на свете.

Сна уже не было ни в одном глазу. Конор откинул одеяло, выбрался из кровати и подошел к окну. В бледном свете месяца ясно виднелась церковь, стоявшая на вершине небольшого холма за домом, та, возле которой проходят железнодорожные пути: две стальные линии, что приглушенно светятся по ночам. Месяц освещал и церковное кладбище с надгробными камнями, на которых уже было невозможно что-либо прочесть.

Было видно и огромное тисовое дерево, которое возвышалось над кладбищем, — такое древнее, что закрадывались подозрения, будто бы оно сделано из

того же камня, что и церковь. Конор знал, что это тис, — только потому, что об этом ему рассказывала мама. Первый раз — когда Конор был ребенком, чтобы он не ел ядовитые тисовые ягоды, второй — в прошлом году; тогда она загляделась в окно кухни со странным выражением на лице и сказала: «А знаешь, это же тис».

Вдруг его снова позвали по имени:

— *Конор*.

Имя словно прошептало в оба уха.

— Ну *что*? — спросил Конор. Его сердце застучало от внезапного желания поскорее узнать, что будет дальше.

Месяц заслонило облако, пейзаж окунулся во тьму, *порыв* ветра скользнул вниз по холму и со свистом ворвался в комнату, раздув занавески. Снова раздались скрип и треск дерева, стонущего, как живое существо, как голодный мировой желудок, требующий еды.

Затем облако ушло — и месяц снова засиял.

И осветил тис.

Который теперь стоял прямо в центре сада за домом.

И Конор увидел монстра.

Ветви кроны дерева соединились в огромное, жуткое лицо с блестящим ртом, носом и даже глазами, которые уставились на мальчика. Другие ветви переплетались с непрерывным скрипом и протяжным

стоном, пока не образовали длинные руки и вторую ногу, отделившиеся от ствола. Под верхушкой дерева собрался позвоночник, а затем и все туловище, покрытое тонкими, похожими на иглы листьями, словно зеленым мхом, который дрожал и вздымался, как будто под ним скрывались мышцы и легкие.

Монстр уже был выше второго этажа и разрастался, обретая мощную форму, неувовимо сильную, неувовимо *могущественную*. Все это время он, не отрываясь, смотрел на Конора, и мальчик слышал его шумное, ветренное дыхание. Монстр оперся громадными руками на стену дома и наклонился так, что в окне были видны только его огромные глаза, вцепившиеся взглядом в Конора, и дом тихонько застонал под его весом.